

ВРЕМЯ ЖЕНЩИНЫ

Маленькая девочка бежит по спящей долине.
С разбегу ныряет в цветочное марево. Жёлтое облачко
пыльцы легко поднимается над нею, чтобы
в мгновение ока быть унесённым ветром на край земли...
Крохотные её пятки дынными ломтиками мелькают среди
цветочных головок.
Она лежит – косичками вверх – в смятой траве,
бездумно болтая ножками и сосредоточенно
рассматривая глянцевые лепестки полевой ромашки...

Время Женщины...
Оно только начинает свой разбег.
Тугая пружина бытия еще молчит в её спящем сердце.
Мир велик, и ей уютно в нём с её нехитрыми детскими
секретами, маленькими радостями и – взахлёб –
беспредельными горестями.
Мир велик и не ждёт времени пробуждения её души,
ибо секреты её так и останутся наивными
детскими секретами для этого искушённого мира,
радости её будут слишком малы,
чтобы разбавить соль нежданных, застывших мир, горестей...
А сердце...
Пусть оно спит, не ведая о бездонности
человеческих страстей,
ни одна из которых не стоит его
пробуждения от целомудренного сна.

Время Женщины...
Полёт мотылька у ночной лампы.
Мерцание в эфире пушинки облетевшего
на ветру одуванчика.
След птичьего крыла в зыбкой синеве рассветного неба...

Женщина.
Несущая в своём маленьком сердце
негасимый огонь Любви ко всему существу.
Рожденная для Любви – в Любви.
Мать рода человеческого.
Тихая искупительница его грехов.
Хранительница тайны сущего...
До – и после всего – Любовь, имя которой – Одиночество...

... Маленькая девочка бежит по тихой рассветной дороге.
Крохотные пятки её утопают в толстой дорожной пыли.
Она привычно взмахивает маленькой хворостинкой,
подгоняя задумчивую степенную корову,
– та изредка замирает,
словно прислушиваясь к бьющемуся
в своей утробе сгустку жизни.
Тень от редких камней косо ложится на серую поверхность
дороги, и девочка, помня о своих недавних ухабах,
сторонится их, то и дело смешно подпрыгивая на тоненьких
загорелых ножках.
Занимается новый день.

ДВОЕ

Что ты знал о Душе Её?
Что ты успел узнать за тот – подобный краткому порыву
горного ветра – срок, что отпущен был вам в земной юдоли?

Ты прожил жизнь в истовом одиночестве, в немом
созерцании данных тебе Богом откровений:
ОЗНОБ ПРЕДУТРЕННЕГО ТУМАНА,
РОЖДЕНИЕ МИРА НА ПАХНУЩЕМ РОСОЙ РАССВЕТЕ,
ДРОЖАНИЕ ТРАВ ПОД ДЫХАНИЕМ ПОЛДНЕВНОГО ЗНОЯ,

ХЛЕЩУЩИЕ – С БЕЗДОННОЙ СВИНЦОВОЙ ПУСТОТЫ –
СТРУИ ДОЖДЯ,

ЧУТКОЕ МОЛЧАНИЕ НОЧИ...

Ты лишь пустил Её на Порог Души...

Не более...

Ибо Она – лишь часть внешнего мира, на который
ты взираешь, не впуская его в себя.

Она для тебя – лишь необходимая составляющая
Земного Бытия, и только.

И только?

ПОСМОТРИ ЖЕ В ЕЁ ДУШУ.

Ощути девственный ХОЛОД РОДНИКОВОЙ ВОДЫ,
касаясь Её Губ.

Услышь ЗАГАДОЧНУЮ ТИШИНУ УСТРЕМЛЁННЫХ
В СИЯЮЩУЮ БЕЗДНУ ДЕРЕВ в глубине леса,
прислушиваясь к Её Дыханию в Предрассветном Молчании.
Вдохни ТЕРПКИЙ АРОМАТ ВЕЧНОСТИ, исходящий от Её Волос.
Вглядишься в Её глаза и упади в ЗВЁЗДНУЮ БЕЗДНУ...

Зеркалом... нет, осколком некогда разбитого и брошенного
в высокой траве зеркала предстала перед тобой
Её Душа.

Душа, в которую тебе НЕКОГДА ВГЛЯДЫВАТЬСЯ.
В которую тебя НЕ НАДОУМИЛИ ВГЛЯДЫВАТЬСЯ.
В которую ты ПРЕНЕБРЕГАЕШЬ ВГЛЯДЫВАТЬСЯ.

Проплывает Вечность над этим Осколком, вбирающим её в себя.
Проходит твоя жизнь, вмещающаяся в это маленькое сердце,
отданное тебе и забытое тобой в небрежении.

Проходит череда лет.

Вёсны сменяются долгими осенними ненастьями.

Зеркало мутнеет.

Серебристая амальгама души соскабливается холодной
неприкаянностью, сменяясь тёмными наплывами.

И когда плоть твоя – немощная тюрьма – уступит место
осиянности Души, устремлённой в небесную лазурь,
ты захочешь пережить тот – первый – восторг
слиянности ваших душ и всмотришься в её глаза...

Не будет в них звездных россыпей, не будет росных переливов...
В НИХ БУДЕШЬ ТЫ.

Будет лишь ТВОЕ ОТРАЖЕНИЕ. Не более.
Вот тогда ты в полной мере Познаешь Одиночество.
Одиночество, Сотворенное Тобой.

Холод.
Сырость пропасти – зияющей чернотой.
Багровые мазки заката, кроваво высвечивающие
зубцы гор на ломаной линии горизонта.
Трубный олений зов – над тёмной скалистой стеной –
в сереющем полумраке.
Зов отчаявшейся Души.
Слышишь?..

НАВАЖДЕНИЕ

Земля – не место для Любви...

Ожидание – в жизнь... Снова – ожидание.
Знаешь ли ты, в какую пустоту отпускаешь – вновь –
душу свою?
Помнишь ли ты бесконечность млечных туманов перед
Рассветом, безысходность – розовых от закатных лучей –
попынных волн над пропахшей горечью зноя землёй?
Ты уходишь – с обещанием встречи там –
за пределами земной жизни, в благословенных кущах,
куда стремятся наши души, уставшие от земной юдоли.
Ты обещаешь встречу и вечное НЕ-Расставание.
Но так ли это, и не лукавишь ли ты? Не перед ним – нет –
перед самой собой, отстраняя в неведомое далёко встречу,
что заставит душу твою раскрыть все её нехитрые ловушки,
в которые попадалась ты сама? Встречу, которая заставит
тебя обнажить душу твою, не привыкшую к прилюдности
признаний?
Ты возводишь Стену между вами.
Высокую, глухую стену из плит своей памяти...
Каждая – прощание. Каждая – заклятием невозвращения...
Чтобы потом – к концу земного пути – пройти мимо неё,
проводя ладонью по памяти о нём, по памяти
о несбывшемся счастье,
и уйти из этого мира с радостью.

Ты остаёшься одна.
Как всегда. Как изначально пришла в этот мир.
Как, устав пребывать в Одиночестве, уйдешь в Свет.
Душа зависает на острие горизонта перед закатом мира.
Наедине с собой.

Ты гордишься собой.
Своей незыблемостью...

Но там – далеко в начале туннеля, по которому ты уйдёшь,
горделиво неся своё Одиночество, – ты услышишь,
как плачет взахлёб хрупкая девчушка, –
забытая тобою в небрежении юность твоя.
Плачет о тебе – несчастной и гордящейся своей
несчастливостью.
О тебе, не ведающей, как ты жалка.
Плачет девочка.
Ибо знает твою участь в вечной жизни –
участь Души, обрешей себя на Ад Одиночества.

ПОРА ПРИВЫКАНИЯ

Жизнь иногда вынуждает людей каждый прожитый ими
отрезок её снова и снова «прокручивать» –
перед тем, как в лицо повеет ветром новой дороги.
А память не расстается с прежними дорогами.
В них – мы прежние и те, кто знал нас – тогдашних...

Удивительно, каким глубоко несчастным может сделать
человека простое ожидание. Наверное, потому, что оно
вбирает в себя столько неизвестности...

Она сидела, уткнувшись взглядом в пустоту, и нервно мяла
салфетку для очков, когда он поспешно распрощался...

О чем она думала?

О том, что вот он – так долго оттягиваемый ею,
но неизбежный финал.

Их – так долго ожидаемая ею и так страшившая её – встреча
только отдалила их.

Да, к его чести, он был сама вежливость – но по тому, как он осторожно отводил в сторону взгляд, было всё понятно и без слов.

Её хватило на то, чтобы выйти вслед ему
и вежливо улыбнуться: уходишь?

Она очнулась, кажется... Тот же кабинет. Она что-то чёркает на листке бумаги. Над нею нависает, талдыча своё, местная «ходячая энциклопедия в юбке», с некоторых пор удачно переквалифицировавшаяся из диссидентов в диссертанты... Подписала бумаги. Та ушла.

Она встала, быстро щёлкнула замком в двери.

Одна... Теперь – точно.

Опустилась на стул, положила голову на самый краешек стола, ещё хранящий тепло его руки, и расплакалась...

Плакала недолго.

Но когда приводила себя в порядок у зеркала, не смотрела себе в глаза.

В груди ощущалось зияние...

Не было ожидания. Но и не было жизни...

Время, однако, предполагало продолжаться. Не спросясь...

ВОПРОС

«Там», в Вечности, когда сонмы душ сольются в единую толпу, пытаюсь узнать тебя, воскликну:

«Эй! Люди! Есть ли среди вас тот, ИЗ-ЗА КОГО плакало моё сердце?»

«Люди» тихо отмолчатся.

И снова спрошу:

«Люди, есть ли среди вас тот, ПО КОМУ плакало моё сердце в том грешном мире?»

... Захочешь ли ты выйти из толпы?